

Перегородившим дорогу, оказался красивый молодой человек, настолько молодой, что по одной только внешности трудно было сказать, есть ли ему двадцать лет. Но от него исходило ощущение угнетения, не соответствующее его возрасту, то ли из-за необычно острых бровей, то ли из-за слишком высокого роста.

Кевин подумал про себя: "Хорошо, что я быстро затормозил, на таком расстоянии мне нужно лишь немного поднять глаза, сделай я еще два шага и мне бы пришлось задирать голову вверх".

Он прошелся глазами вверх-вниз, и за очень короткий промежуток времени полностью оглядел молодого человека — от коротких, каштановых и аккуратных волос, до крепких мышц на руках и груди, до длинных ног, заправленных в сапоги для верховой езды и дважды мысленно цокнул.

Кто ты?

Не то чтобы он не мог догадаться, кем был этот человек, но он просто не мог соотнести его с тем маленьким медвежонком в прошлом.

Время летит так быстро, этот малыш вырос таким высоким на кормежке!

Он очень долго находился в оцепенении, так долго, что Освальд перешел от улыбки к ее отсутствию, он сузил глаза и сказал: "Вы все позабыли, Его Превосходительство Фассбендер меня больше не помнит".

"Мы тогда провели целые каникулы вместе, конечно, я помню. Я просто подумал, не спал ли я годами или веками.....как так получилось, что ты в мгновение ока стал таким большим, — Кевин небрежно поднял руку до своей талии и жестом показал, — раньше ты доходил мне досюда, и был даже не таким высоким, как тростинка, твой рост не составлял и двух осьминогов".

Освальд: "....."

Этот ублюдок не потерял ни капли своей силы: хорошая фраза вылетала из его рта как особенно плохая, какой бы длинной или короткой она ни была, она всегда задевала точку, которая была особенно неприятной.

Только после того, как Кевин закончил говорить, он понял, что медведь того дня теперь стал главным боссом, поэтому он кашлянул и отвернул лицо, чтобы молча прекратить разговор.

Освальд вдруг улыбнулся и медленно сказал: "Каникулы, которые я провел с Вашим Превосходительством, были настолько запоминающимися, что они до сих пор иногда снятся мне. Очень приятно снова видеть Ваше Превосходительство В любом случае, добро

пожаловать обратно".

Кевин слушал его молча, параллельно переводя в уме этот отрывок: Я всю жизнь помнил те дни, когда ты избивал меня, и вот после стольких лет ты наконец-то попал в мои руки, все-таки Бог справедлив.

Освальд на мгновение уставился на малейшие изменения выражения его лица, а затем спокойно сказал: "Что не так с лицом Вашего Превосходительства?".

Кевин сухо рассмеялся: "Все в порядке, это просто зубная боль, мясо было слишком жестким прошлой ночью".

Освальд произнес "О", посмотрел вверх и по сторонам и сказал Мирлу, который молча слушал сплетни невдалеке: "Хватит медлить, давайте садиться на лошадей. Если вы не возражаете, Ваше Превосходительство вы поедете в моей карете, мне не терпится поговорить с вами".

Кевин отказался, даже не задумываясь: "Нет, это слишком большая честь, я просто поеду на лошади".

Мирл рывкнул на него со смущенным выражением лица: "Нет лишних лошадей".

Кевин повернул голову и сузил на него глаза: "Тогда тебе придется уступить и разделить половину места со мной".

Мирл похлопал коня по мускулистой шее и сказал: "Нет проблем, поднимайся, мы купим еще одну, когда будем проходить через Блуждающие Земли, вы не возражаете, Ваше Величество?".

Кевин повернулся и направился в другую сторону.

Освальд фыркнул, повернул голову, чтобы посмотреть на Мирла, и сказал лишь одно слово: "Хорошо".

Мирл долго смотрел на него с невинным выражением лица, а потом вдруг понял, что тот от него хочет, и хлопнул себя по бедру: "О нет, у меня судорога в ноге! Я не могу двигаться... Ай...почему бы тебе не сесть в карету, Кевин, я не могу тебя везти ...".

Как только он это сказал, он начал свою игру, его икры задрожали, и он развалился на спине у лошади, принимая все возможные странные позы и подвывая.

Кевин: "....."

От способности Мирла разыграть сцену, в которой он вот-вот "умрет", у него перехватило дыхание, он показал Мирлу два средних пальца в знак поддержки, а затем покачал головой и последовал за Освальдом, с неохотой сохраняя улыбку на лице.

Карета стояла недалеко от леса, ее тянули три массивных черных коня, с виду гораздо сильнее обычных лошадей, с густой кудрявой гривой, которая прикрывала огромные орлиные крылья на спине, они были здоровыми и красивыми.

Только тогда Кевин понял, что пришел не только элитный отряд Бронзовой Армии, но и более пятидесяти тяжеловооруженных кавалеристов, они были сгруппированы по обе стороны кареты, с суровой и убийственной аурой.

Кевин: "....." Вы здесь для того чтобы найти кого-то или ограбить?

Он бросил на кавалеристов странный взгляд, прежде чем его затолкали в повозку, Освальд подтолкнул его в спину.

"Почему здесь столько людей?", — подсознательно спросил Кевин, обернувшись.

"Человек, который был мертв семь лет, вдруг посылает сигнал бедствия между Блуждающими Землями и племенем оборотней, ты бы поверил в это на моем месте?" — Освальд сильно хлопнул дверцей кареты и бесстрастно сказал: Это уже лучше того решения, которое я принял изначально".

Кевин выпустил "О": "Какой была идея до того, как ты ее изменил?".

Освальд облокотился на стену кареты, осмотрел его сверху донизу и сказал: "Отправить Железную Кавалерию и заставить ее прочесать это место, кто бы ни стоял за всем, поймать его и найти зачинщика, а если они не будут сотрудничать, убить их всех на месте".

"....." Кевин: "Разве нет Суда Священников? По крайней мере, они могли бы предсказать примерное развитие событий".

"Суд Священников? — Освальд усмехнулся. — Полмесяца назад Карпенгер провел всю ночь в обсерватории, мы не знаем, что, черт возьми, он увидел, но он внезапно сошел с ума, разбушевался и упал с канатной дороги, разбившись насмерть. Без него оставшаяся группа священников бесполезна, они ничего не понимают, а один из них даже был ошеломлен вчерашним сигналом. Ожидаете, что они смогут прочитать конкретную ситуацию? Мы можем только мечтать об этом".

Кевин дважды хмыкнул, не уверенный в том, испытывает ли он сожаление по этому поводу или нет.

Мгновение спустя он снова отреагировал и задался вопросом: "Если ты ничего не знал о ситуации, почему тогда передумал?".

Освальд фыркнул и молча уставился на квадратный стол в карете, как будто его очень заинтересовал серебряный кубок, стоявший на столе.

Кевин сузил глаза.

Этот взгляд был таким же, как в детстве, каждый раз, когда Освальд показывал такой взгляд, это означало, что он чувствовал вину

Кевин бесстрастно ударил Освальда рукоятью своего короткого клинка, как только вспомнил о медвежонке, которым он был, и проворчал с суровым лицом: "Я задал вопрос".

"....." Освальд на мгновение не отреагировал, он подсознательно заговорил, когда его ударили: "Я отправился на ваше кладбище после того, как получил сообщение от священника".

Кевин: "....."

Освальд: "....."

После нескольких секунд молчания, Кевин усмехнулся с черным лицом: "Ты стал лучше после того как я не видел тебя десять лет! Ты даже научился раскапывать могилы и вскрывать гробы, не так ли?".

Освальд без колебаний ответил: "И что! Я должен был броситься сюда, ничего не проверив? Почему ты такой интересный?".

"Я всегда был таким интересным...", — Кевин поднял ногу, чтобы дать ему пинка.

От человека, выросшего в армии, трудно было ожидать большой мягкости. Кроме его обманчиво нежного лица, на теле Кевина больше не было ничего, что имело бы отношение к "нежности" как внутри, так и снаружи.

Как только он поднял ногу, Кевин вышел из режима инерции: "....." О нет, подошва его ботинка была обращена к императору, как же ему теперь убрать ногу

"....." Освальд также наконец-то вспомнил о своей нынешней личности, и уставился на подошву ботинка, который на мгновение остановился перед ним, и издевательски сказал: "После стольких лет потери сознания, Его Превосходительство все еще способен задрать ногу так высоко, это должно быть действительно нелегко".

В тот момент, когда Кевин и Освальд смотрели друг на друга, в дверь кареты трижды постучали.

Не говоря ни слова, Кевин опустил ногу и повернул голову, чтобы открыть дверь: "Кто..."

Не успел он закончить фразу, как увидел, пыхтящего молодого льва, пытающегося забраться в карету, тот сказал: "Этот Кудряш не отпускает меня, но и не дает забраться на лошадь, в итоге он решил запихнуть меня в карету".

"Кудряш? Какой кудряш?", — Кевин выглянул и увидел перед собой Мирла, который повернул голову и помахал ему рукой.

К счастью, у вас все еще есть совесть.

Кевин что-то пробормотал и, не говоря ни слова, потащил мальчика в карету.

Освальд нетерпеливо хмыкнул и нахмурился: "Что, вас больше не раздражают маленькие дети, и вы действительно собирались взять его с собой?".

Мальчик моргнул и, не спрашивая разрешения присесть, сел, скрестив ноги, напротив угла и сказал: "Нет, мне он вчера несколько раз задницу надрал".

Кевин: "....." Что за слепую жалобу ты предъявляешь незнакомому человеку?

Мальчик повернув голову, чихнул, после чего потер свой зудящий нос и сказал дрожащим голосом: "Но он вчера хвастался мне, что мне еще повезло, он когда-то следил за ребенком примерно моего возраста, которому было еще хуже, чем мне, и я не знаю, кто этот несчастный парень".

Несчастный Освальд: "....."

Кевин плавно взял самую старую кислую ягоду с лотка с фруктами на столе и бесцеремонно запихнул ее в рот мальчика, заткнув ему рот.

Мальчик был в слезах из-за кислоты, и ему действительно было наплевать на неприятности, которые он доставил.

Освальд медленно сказал: "Хвастался".

У Кевина было серьезное выражение лица: "Вовсе нет".

Освальд издал короткий хмыкающий смешок, обошел его, случайно соприкоснувшись плечами и решительно сел, одной рукой опершись на колено, а другой, взяв карту, разложенную на столе, чтобы продолжить ее рассматривать, снова игнорируя Кевина. Этот человек сидел в очень напряженной позе, с властно разведенными коленями, как будто он почувствовал бы себя обиженным из-за своих длинных ног, если бы немного согнул их.

Короче говоря, он в одиночку занял все горизонтальное сиденье — единственное место в карете, где можно было сидеть.

Кевин дважды прошелся взад-вперед и просто прислонился к двери и сказал: "Могу я спросить Ваше Величество, куда вы собирались меня посадить, когда запикивали меня в карету?".

Освальд поднял глаза, сделал глоток фруктового вина из кубка, стоявшего на столе, и уже собирался заговорить, когда колеса кареты издали два приглушенных звука и она внезапно тронулась.

Лошади, тянущие повозку не могли лететь, потому что та была слишком тяжелой, но их огромные крылья были лучшим подспорьем в передвижении. С поднятием крыльев подул сильный ветер, и карета набрала скорость.

Кевин, прислонившийся к двери, был застигнут врасплох и по инерции полетел вперед, опрокинув квадратный стол и тяжело приземлившись на Освальда, выбив серебряный кубок из его руки.

Кевин быстро встал, приподняв свое тело, пытаясь удержать баланс в движущемся транспорте.

Он едва устоял на ногах, когда понял, что пролитое фруктивное вино попало на промежность Освальда, предположительно в отместку за то, что он раздвинул ноги и сразу занял два места.

Лицо Освальда мгновенно стало черным, как дно кастрюли: ".....".

Он посмотрел вниз и бесстрастно огрызнулся на Кевина: "Твой маленький мозг ушел из дома? Почему бы тебе просто не увеличить дальность полета и не вылететь прямо из кареты?".

Кевин подсознательно хотел сказать: "Твоя кожа снова чешется, не так ли?". Но прежде чем он успел это сказать, его отдернул разум.

Он не ждал, что Освальд освободит ему место, поэтому поступил так же, как сделал мальчик, и сел у стены кареты. Закрыв глаза и изображая мертвеца, он с некоторым беспокойством думал, как ему удержаться от желания ударить императора.

Колеса вращались так быстро, что Кевин фактически заснул после того, как его некоторое время укачивало.

Когда он снова проснулся, на улице уже стемнело, и свет был тусклым. Он был накрыт одеялом, одним из тех толстых зимних одеял, которым закутывались от шеи до пят, что заставляло его потеть и почти сходить с ума от жары.

Кевин: "....."

Не было другого человека, кроме Освальда, который мог бы совершить такой неэтичный поступок!

Кевин закатил глаза и раскрыл одеяло, чтобы дать ему пощечину, но увидел, что юного императора, сидевшего в карете, нет на месте, и не только его, но и мальчика, примостившегося в углу.

Он нахмурился, напряг нервы и на мгновение задержал дыхание, чтобы прислушаться, но обнаружил снаружи кареты только тишину.

Нет, если быть точным это была такая тишина, когда даже шум ветра исчезал, отчего по коже бежали мурашки.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/17805/1689705>